

**ОТ СОФИЗМА К РЕАЛИЗМУ В ГУМАНИТАРНО-НАУЧНОМ
ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ КАТЕГОРИИ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ)**

В статье автор ломает стереотипное представление о категории прецедентности только как о системе прецедентных феноменов. Выделяется когнитивная категория прецедентности как интерпретирующая категория общего типа, которая раскрывается совокупностью ее металингвистических объектов (прецедент, прецедентное высказывание и др.), и самостоятельная категория прецедентных языковых единиц, реализующих первую.

Ключевые слова: гуманитарно-научный дискурс, «ложная» парадигма, метод, категория, прецедентность, дуализм.

Целью настоящей статьи является описание эвристического потенциала прецедентности как универсальной категории прецедентного мышления, на которой строится современное гуманитарное и общественное знание и которая отражается в научном дискурсе. Новизна теоретических размышлений заключается в описании рефлексии проблемы прецедентности в гуманитарно-научном дискурсе с разьяснением терминологических смыслов в лингвистике и в сопредельных с ней науках для устранения множественности их толкований. Гуманитарно-научный дискурс понимается как дискурсивная практика репрезентации предмета исследования в гуманитарных науках.

На современном этапе отношение к проблеме прецедентности в отечественной лингвистике приобретает в рамках критического мышления два противоположных вектора. С одной стороны, лингвисты убеждены в том, что степень разработанности этой проблемы можно признать достаточной, так как широко и глубоко представлены самые разные аспекты общей теории прецедентности. Так, успешно используется теоретический и методический аппарат исследования прецедентных феноменов с выделением проблемных зон анализа. На доказательной эмпирической базе

показано, что в рамках когнитивной категории прецедентности реализуется приобщенность коммуникантов к прецедентным смыслам.

Создается впечатление, не без сожаления замечают лингвисты, что термин «прецедентность» в современной лингвистике стал едва ли не одним из самых частотных, притом, что критически ощущается научная неудовлетворенность уровнем верифицируемости языковой теории и языковых фактов, связанных с проблемой прецедентности [Тимирханов 2012: 121]. В фарватере этого сложившегося мнения поиск новой эпистемы категоризации прецедентных лингвистических фактов ставится под большой вопрос, либо просто игнорируется, судя по переписке с уважаемыми рецензентами статей солидных издательств.

В этом смысле софистический прием в подходе к видению проблемы прецедентности, не воспринимающий «вопреки логике, новые элементы знания ради защиты уже наличествующих положений и теорий, которые признаются истинами» [ФЭС 1983: 628], нельзя признать конструктивным. Очевидно, что не берется в расчет другая установка, согласно которой право на собственную методологическую позицию исследователя всегда может обернуться чем-то новым или, по крайней мере, альтернативным видением статуса этого сложного языкового явления, как это представлено нами [Голубева 2020].

В свете сказанного актуальность данной статьи видится в дальнейшем теоретическом обосновании *de facto* существующей категории прецедентности и ее межпарадигмальной значимости путем привлечения знаний из других наук.

Одной из актуальных задач современного языкознания является освобождение метаязыка от его перенасыщенности терминами и понятиями, излишне конкретизированными или же с предельно широким толкованием. Речь идет об избавлении от множественности смыслов в лингвистике, которая порождает «досадную неопределенность» [Шафиков 2007 и др.]. Право на такое утверждение нетрудно проследить на дуальном характере ряда терминов, формирующих когнитивно-тематическую область «прецедент» гуманитарно-научного дискурса.

Для этого поясним понимание термина «дуализм» в общенаучном употреблении. Возникший от лат. *dualis* – «двойственный» этот термин приложим к любой концепции, построенной на признании равноправности, но несводимости двух противоположных, различных начал или сфер [ФЭС 1983: 178]. В лингвистическом смысле это означает, что знак и значение не покрывают друг друга полностью. Один и тот же знак может иметь несколько функций, а одно и то же значение может выражаться несколькими знаками. Вследствие этого всякий языковой знак является потенциальным «омонимом» как результат скрещивания двух рядов мыслительных явлений. Из этого вытекает актуальный для наших дальнейших рассуждений тезис: независимо от того, направляется ли наше внимание в данной конкретной ситуации на новое, неизвестное, или на старое, одновременное присутствие этих двух элементов неизбежно для всякого акта понимания (или познания) [Карцевский 1965].

В свете лингвофилософского понимания дуализма и парадигмы [Кубрякова 1990] рассмотрим разные толкования некоторых омонимичных терминов общей теории прецедентности. Они образуют в некотором смысле их «ложную парадигму», имея в виду при этом отношения внешней зависимости сущностей, противопоставленных друг другу и в то же время объединенных по наличию у них общего признака и вызывающих одинаковые ассоциации. Логично начать с ведущего термина «прецедент», принадлежащего нескольким гуманитарно-научным парадигмам.

Прецедент, от лат. *praecedens* – «предшествующий», своим существованием обязан английскому правоведению 70-х годов XIX века. Тогда преподаватель Гарвардской школы права К. Лангделл (Langdell) создал метод прецедента, предусматривающий анализ каждого правового случая как конкретного прецедента, нуждающегося в отдельном самостоятельном рассмотрении. В наши дни прецедент понимается в лингвофилософском ключе как «поведение, решение в определённой ситуации, при определенных обстоятельствах, рассматриваемое как образец для действий или решений в аналогичных ситуациях, обстоятельствах» [Политология 1993: 316]. Другими словами, прецедент осоз-

нается как «герменевтически постигаемый «образец», как некий род неявного знания, который динамично меняется в зависимости от эмпирической ситуации» [Forrester 1996].

В психолингвистике этот термин соотносится с единицей обыденного знания, в которой отражается опыт поколений, это своего рода прототип события из мифологического прошлого, «мифологический прецедент» [Цивьян 1990]. Наше сознание в целом настроено на прошлый опыт своего и чужого вербального или невербального поведения в аналогичных семантических ситуациях. Оно воспроизводит известные смыслы с опорой на свои наработанные языковые и/или феноменологические знания, так называемые объекты с высокой степенью воздействия, а потому легко запоминающиеся, то есть *прецедентные объекты*, в терминах некоторых авторов [Руднев 2016], или *прецеденты*.

В лингвистике «прецедент» понимается как прототип, ментальный, языковой и речевой факт, служащий моделью для воспроизводства сходных фактов [Гудков 2003; Kanngießler 2006]. В рамках когнитивного подхода прецедент трактуется как коллективно или индивидуально детерминированное на языковом или на коммуникативном уровне представление об определённой сущности, актуально-значимое в сознании его носителя, *предсуппозиция* существования этой сущности. Когнитивная природа прецедента заключена в его смысле, так как по логике вещей не бывает бессмысленных прецедентов. Смысл воспроизводится, становясь прецедентным, и является основой лексического, грамматического и других языковых значений [Голубева 2020].

Вместе с тем в научной практике в контексте «исследования языковой игры» имеет место термин «пустой прецедент», понимаемый как «прецедентная форма, не отягощенная содержанием», то есть: смыслом вообще [Чемезова 2008], и, следовательно, с позиций психолингвистики не наделенный воздействующей на наше сознание силой вообще.

В центре внимания находится также тривиальная на первый взгляд игра терминов *прецедентный феномен* – *феномен прецедентности*, вызвавшая к жизни в свое время новый виток в дальнейшем изучении «прецедентности» в отечественной лингвис-

тике. Легко определить их общую концептуальную основу – смысл слова «феномен» – как нечто редкого, необычного, нетривиального онтологического свойства лингвистического явления. За три последних десятилетия в отечественной лингвистике выполнены многочисленные исследования, посвященные прецедентным феноменам, начиная с «патриарха» отечественной теории прецедентности Ю.Н. Караулова (1935 – 2016), и данной им дефиниции прецедентного феномена – неоднократная воспроизводимость отдельной личностью, его познавательная и эмоциональная значимость для неё, сверхличностный характер, широкая известность не одному поколению [Караулов 2003]. Согласно этому определению феноменологичность любого «прецедентного феномена» кроется в его основной функции – регистрировать и аккумулировать лингвокультурное знание.

Отталкиваясь от объединяющего эту терминологическую пару смысла, возникает закономерный вопрос: В чем заключается в таком случае феноменологичность второго коррелирующего компонента? Мы определяем «феномен прецедентности» как когнитивное понятие, которое раскрывается не только через набор таких когнитивных признаков, как общеизвестность, образность, отсылочность, ассоциативность, типичных для прецедентных феноменов. Но оно включает в себя общую знаковую способность любого лингвистического явления производить и быть производным на уровне системы языка и/или дискурса.

Из сказанного следует, что второй компонент выступает более широким понятием по отношению к первому, и между ними отсутствуют жесткие логические связи. Это означает, что во всяком прецедентном феномене как в прецедентной единице реализуется феномен прецедентности, но не всякая прецедентная единица является прецедентным феноменом.

Рассмотрим далее ключевой термин когнитивной категории прецедентности – «прецедентная единица». Традиционно прецедентными единицами считают прецедентные феномены (прецедентный текст, прецедентное имя, прецедентная ситуация, прецедентное высказывание и др.). Кроме того, к прецедентным единицам лингвисты относят также цитаты, поговорки, былички, «се-

мейный» нарратив, образные сравнения и многие другие репродуцируемые языковые единицы. Их когнитивной базой (прецедентом) могут быть, в том числе прецедентные феномены. Например, выражение в немецком языке: *Zustände wie im alten Rom!* (Порядки – дальше некуда! = беспорядки).

Когда «прецедент вступает в игру», прецедентные единицы заставляют «оживать» номинируемое ими событие, которое активизируется в сознании слушателя. Таким образом, в нашем понимании, термин «прецедентная единица» соотносим не только с прецедентными феноменами. Он включает всякий языковой элемент, который объективирует определённый когнитивный контекст, раскрывающий его генетическую связь с языковым и/или коммуникативным прецедентом (прототипом), и имеет статус производности – выступает либо производным, либо производящим языковым знаком на всех языковых уровнях.

В свете вышесказанного «прецедентное высказывание» как прецедентный феномен в виде пословиц, поговорок и цитат, например, *Wie der Koch, so der Brei*. (Каков повар, такова и каша.) мы понимаем как прецедентный текст малой формы, сводимый к одному предложению, готовый к дальнейшим когнитивным и языковым трансформациям в разных видах, передаваемых языковым сознанием того, что «уже познано», в частности в виде антипословиц.

В своем утверждении мы опираемся на теорию синтаксиса, постулирующую существование микротекста в виде одного предложения, если предложением реализованы коммуникативная функция и семантическая ситуация, а оно, как известно, актуализирует высказывание. Убедительны в этом смысле однословные предложения типа: *Winter*. (Зима); *Feuer!* (Огонь!). И совсем не вызывает сомнений в рамках прецедентного мышления однословное предложение из пяти букв: *Brrrr!* (Брррр!) для выражения экстремально имплицированной информации. Ее понимание читателем рассчитано на прецедентное обыденное знание о реакции на восприятие холода. Подобное толкование термина «прецедентное высказывание» в психолингвистическом смысле явлено как *любое* высказывание, как *любой* речевой акт, апеллирующий к преце-

дентному мышлению [Руднев 2016] и дает основание рассматривать **прецедентное предложение** как языковую форму реализации прецедентного высказывания.

Рассмотрим далее термин «прецедентная ситуация». В системе прецедентных феноменов он понимается как некая «эталонная», «идеальная» семантическая ситуация, связанная с набором определённых коннотаций, дифференциальные признаки которых входят в ее когнитивную базу (Л.И. Гришаева, Д.Б. Гудков, В.В. Красных, Г.Г. Слышкин и др.). Прецедентная ситуация стоит близко к понятию прецедентной идеи или прецедентного факта, так как не предполагает повествование о протекании события, ср.: *Kolumbus Entdeckung von Amerika* – открытие Америки Колумбом.

Несколько иная точка зрения на статичность прецедентной ситуации представлена рядом исследователей [Донец 2014], согласно которой прецедентная ситуация обладает способностью к трансформации. Под действием внешних обстоятельств, очевидно, с дифференциальным признаком (наличие Деятели) она может варьировать как прецедентное действие, а если ее изменение обусловлено внутренними причинами, дифференциальным признаком (наличие Участников), то как прецедентное событие. Но каждый из вариантов прецедентной ситуации предполагает развертывание во времени и лишает ее, таким образом, статики.

Кроме того, в лингвистике прецедентная ситуация понимается также как семантическая ситуация в широком смысле – как коммуникативная ситуация с производящей пропозицией, наделенной перлокутивной функцией. В рамках когнитивной прагматики прецедентная ситуация – это «коммуникативная (предшествующая) ситуация, являющаяся предметом высказывания». Как объект метакоммуникации прецедентная ситуация порождает «симультанную» и «постфактивную» метакоммуникацию. Первая является реакцией на предшествующее высказывание в настоящем дискурсе, касается непосредственно и самого содержания данного высказывания, и его автора, ср.: *Мне верится с трудом, что такое вообще могло случиться! – Ты хочешь сказать, что я лгу?* Вторая порождается на основе прецедентной ситуации, которая имела место в прошедшем коммуникативном дискурсе и касается

содержания и участников, не связанных с текущим моментом коммуникации [Гуревич 2008].

Резюмируя вышесказанное, заметим, что рассмотренные выше прецедентные лингвистические факты создают обширную когнитивную базу, «прецедентное пространство». Прецедентное пространство создают прецедентные феномены и их заимствования в виде отдельных положений, идей, понятий, методов и др. в рамках объединяющих свои усилия наук. В нашем понимании, все объекты *прецедентного пространства* являются объектами *прецедентной реальности*. Последний термин трактуется как совокупность прецедентов с воздействующей силой, которая связана с «невывесненным» бессознательным и наделена «проективной идентификацией» [Руднев 2016]. Другими словами, все прецедентные единицы реализуют прецедентное пространство прецедентной реальности.

Представленные в статье теоретические размышления вносят существенные изменения в сложившуюся традицию рассмотрения категории прецедентности только как системы прецедентных феноменов, отмечены выделением когнитивной категории прецедентности как интерпретирующей категории общего типа и самостоятельной категории прецедентных языковых единиц. Когнитивная категория прецедентности раскрывается совокупностью ее металингвистических объектов (прецедент, прецедентное высказывание и др.), образующих прецедентное пространство языка, которую объективирует категория прецедентных языковых единиц. И первая, и вторая базируются на концепте «прецедент», на производном смысле.

Прецедентность выступает в этом случае как классифицирующий когнитивно-семантический признак и когнитивной категории как категории обобщающего типа (по аналогии с понятийной), и категории прецедентных языковых единиц. Обе категории основываются на когнитивном механизме отсылки актуального объекта сознания к прецеденту и моделируются на основе критериев общности и сходства производной языковой функции.

Логично заключить, что к категории прецедентности в теоретическом и в практическом плане может получить доступ еще не

одна неисследованная область языковой реализации объектов прецедентного мышления и прецедентного знания, то есть прецедентов в общегуманитарном смысле, что указывает на целесообразность нового методологического вектора их рассмотрения в перспективе.

Библиографический список

1. Голубева Н.А. О развитии направлений прецедентной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 3. С. 92-103.
2. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: Гнозис, 2003. 288 с.
3. Гуревич Л.С. Метакоммуникативные предикаты через призму когнитивного пространства коммуниканта // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. №2. С. 32–38.
4. Донец П.Н. «Прецедентность» или «репликативность»? Об одной лингвокультурологической категории // Субъект познания и коммуникации: языковые и межкультурные аспекты: сб. науч. трудов / отв. ред. Л.В. Цурикова, Л.Ю. Щипицина. Воронеж: «НАУКА-ЮНИПРЕСС», 2014. С. 429-439.
5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 2003. 264 с.
6. Карцевский С.И. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В. А. / История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. 3-е изд. Ч. 2. – М.: Просвещение, 1965. С. 85-93.
7. Кубрякова Е.С. Парадигма // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия. 1990. С. 366.
8. Политология: Энциклопедический словарь / Общ. ред. и сост. Ю.И. Аверьянов. – М.: Изд-во коммерч. ун-та, 1993. 431 с.
9. Руднев В. П. Прецедентный анализ // Ичин, Корнелија (отв. ред.) Славистический сборник REVIEW OF SLAVIC STUDIES. 2016. №90. С. 9-49.
10. Тимирханов В.Р. Языковая прецедентность в оценках русского лингвистического реализма // Филология и культура. 2012. № 2 (28). С. 121-124.
11. ФЭС: Философский энциклопедический словарь / глав. ред. Л. Ф. Ильичев и др. – М.: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.

12. Цивьян Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира. – М.: Наука, 1990. 207 с.
13. Чемезова И.А. Прецедентная модель языковой игры в газетном заголовке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. 24 с.
14. Шафиков С.Г. Категории и концепты в лингвистике // Вопросы языкознания. 2007. №2. С. 3-17.
15. Forrester J. Thinking in case // History of the human sciences. L. Etc., 1996. Vol. 9. №3. P. 1-25.
16. Kanngießer S. Alternativräume der Sprachdynamik: Versuch über die Determination der grammatischen Kontingenz. Osnabrück: V&R unipress in Göttingen, 2006. 368 S.

N.A. Golubeva (Russland, Nizhniy Novgorod)

**VOM SOPHISMUS ZUM REALISMUS IM
GEISTESWISSENSCHAFTLICHEN DISKURS
(AM BEISPIEL DER PRÄZEDENZIALITÄTSKATEGORIE)**

Im Beitrag bricht der Autor eine stereotype theoretische Vorstellung von der Präzedenzialitätskategorie nur als einem System von Präzedenzphänomenen. Dagegen werden die kognitive Präzedenzialitätskategorie als eine interpretierende Kategorie allgemeinen Typus, die durch die Gesamtheit ihrer Metaobjekte wie Präzedenz, Präzedenzäußerung u. a. m. begreifbar ist, sowie die bestimmte Kategorie von sprachlichen Präzedenzeinheiten, die die erstere realisieren, postuliert.

Schlüsselwörter: geisteswissenschaftlicher Diskurs, Pseudoparadigma, Methode, Kategorie, Präzedenzialität, Dualismus.